

Никита Сологуб

Leine

* * *

Под ногой хрустит снег,
моему удовольствию
Не существует
Предела.
Моя бутылка
полусладкого красного
Полна и красива.
Легко и спесиво
Я скольжу
Между тысячами
Жителей мира,
Скольжу и жалею
О том что
Их уже тысячи.
О том что я
В списке
Вычеркнут,
А мне их
Не вычеркнуть.
Хоть я и
достоянее С точки
зрения стиля.
Но все это проходит,
Время идет,
И наверное
не стоит Зря
пачкать страницы.
И наверное
придется смириться
С тем что я еще жив,
Хоть и мог не родиться.

* * *

Датирование чисел
Теряет смысл -
На рубеже веков
Все по-идиотски,
Я наебал тебя и
Молчание повисло,
Раскинув скользкие
Лапы-тиски.
Собачка Пэрис-Хилтон
Пронзает Кольтом висок,
Она не может не
Выглядеть жалко,
Мои пальцы прозрачны,
Мои пальцы легки,
Мои пальцы -
Моя награда.
Звуки тоски
Несут лица толпы,
Мое же слишком страшно
Для шелковой маски,
Я прикрываю его
Пока не спрятан в тени,
Пока не сгнило
Работающее сало,
Пока слова лжи
Не потеряли смысл,
Пока не нашлась
Моя пропасть во ржи,
Пока зубы из глянца
Не покрылись кислым,
Пока не сомкнулись
Бесконечные рты.

* * *

Я снова болею,
жар подавляет любое
Желание жить.
Лепестком от растения
В ожидания лета
Мне придется остыть.
Придется прикончить
Миллионы людей,
стадионы взлетят В небеса,
и плакатами с надписью
feeling better
Разукрасят рассвет,
А я не пожалею об этом.
Меня оросит волна
чужих слез
Поток обвинений и
ненависти
Проводит взглядом
мой взлет.
Он будет прекрасен
Мой мраморный
эшафот
Мое интермеццо
Моя квинтэссенция правды.
А ваше хваленое солнце
уже никогда не взойдет.
И уже никто не поймет
Цену этой награды

* * *

Когда ты встретишь меня
на размалеванном рекламой бульваре,
Мой рот будет слегка приоткрыт,
Он будет петь идиотские песни,
Или терзать губами сигару,
Или плевать тебе в личико,
И изрекать забытые истины,
Но их ты никогда не поймешь,
Они - слишком сомнительны,
Они мимолетны, как предиюньский солнечный дождь.
Когда ты встретишь меня
На размалеванном рекламой бульваре
Все стены сомкнутся и ты вытащишь нож.
Чтоб вырезать на ладони
Еще одну линию жизни,
Ту, на которой меня ты
Уже никогда не найдешь.

* * *

Даже голуби прячутся
В сумраке подземелий,
Когда солнце из доброго
Желтого круга
Превращается в
Измятую столетиями
Маску уродца,
А красный шар
Внутри термометра
Лопается и танцует,
Превысив отметку
Количества градусов в водке,
Помогающей урвать
Свой грамм кислорода.
Время становится бесконечно
Тянучим куском пастилы,
Закрученным вокруг
Капель пота, испаряющихся,
Едва достигнув земли,
А люди убивают друг друга
За баночку колы,
Люди - всегда одинаковы,
Несмотря на тенденции моды и
Беспощадность жары и если бы мы
Наконец-то съебнули с этой планеты
Лето не стало бы течь медленнее,
Поверьте.

* * *

Я весь день вгрызаюсь
В свои мертвые губы,
Жарко, и не хочется
никуда идти.
Толпы людей
обжигают мне уши,
Человечество как огромный
воздушный шар
Лопнет в конце пути.
Я выйду на Предпоследней станции,
гордые народы Кавказа играют
в ворованный пи-эс-пи,
Шаурма и коктейли в банке,
Кому-то дают пизды,
Кому-то наврядли уже лучше станет,
Мне тоже. В небе летит ворон,
А не моя mockinbird.
Жигули и коляски,
Все так и останется
если я не спущусь
На другой поворот.

* * *

ты назвала меня
мразью
настоящая леди
я не был доволен
но ничего не
ответил

кровь из виска
багровыми реками
утекала на пол.
ты плакала,
я тоже
плакал.
я видел глаз твоих
синие
огоньки
я пытался понять
ты ли здесь
или не ты.
об белую стену
разбивались
стаканы
и кулаки
летали ножи
осколки стекла
пронзали мне сердце
мы надрываясь
кричали
нужны
или не нужны
я замерзал
покрывался инеем
и синим
туманом
в то время как ты
жаром
тысячи солнц
сжигала

мне кожу
и залежи лжи.
мы бы могли
прекратить
но нам
было мало
мы разрывали
на части
наши щеки
и сны
в ожидании весны
расцарапали
небо
били тарелки
разбивали мечты
в грудь ядовитое
жало вонзали
догнивавшему
трупю настоящей
любви

ты назвала меня мразью
мы слишком пусты
теперь в каждой фразе
осталась лишь ты

* * *

Думаю,
Смысл потерян,
Пора прекращать,
Морозом по коже,
Времена года
И дни недели.
Пора позабыть,
Как выдыхать воздух.
Раскрытые поры
Пора прекращать
Омывать
Водкой
И комфортом
Постели.
Пора прекращать.
Горькой
и приторной
Правде
Пора прекращать
Верить.

* * *

Наши ночи все больше похожи
На несмешной эпизод смешного мультсериала,
Где собака блюет, а ребенок смеется,
Но пульт потерян и нечем
Переключить каналы.
Я не выгляжу как Дэвит Боуи, поэтому нам суждено
Замотать в узелок страшные сны и повесить
На шею, поэтому нам суждено погасить
Свечи Москвы, чтоб не потухнуть самим,
Чтоб расслабилась шея,
Чтобы сроки пророчества сошли с колеи,
А стареющий альбатрос не был расстрелян,
Чтобы единственным символом остался Сизиф
И потаенные двери.

* * *

Я догнивал на кровати
Распятый похмельем,
С неизменным
Вкусом жизни
Во рту.
В то время Как кто-то
Стал символом Времени,
Я стал больше Похож
на чуть тепленький труп.
Смущенно улыбаюсь
в ответ белым стенам,
У них плохо с английским,
Зато каждая - друг,
Вместе все мы -
корень проблемы,
Мы двухтысячелетний
Обезумевший
Спрут

* * *

Горстью пепла одарил меня ветер,
В глотке горчит, а в городе ночь,
Тысячи лиц моих современников
Уносятся вдаль,
И я не в силах помочь,
И я не в силах заставить себя
Смотреть правде в глаза,
У меня плохой почерк,
И это правильно,
У меня есть этот мир,
Но между нами стена,
Между нами сотни
Портретов Сталина.
Губы растрескались
От оскомины дня,
Я ими вгрызся в асфальт -
Неизличимая мания,
Огромный клубок из алкоголя и сна
Ломает мне пальцы;
Не привлекая внимания
Я жду продолжения, хотя и
Знаю что дальше:
Тысячелетия распятия себя,
Тысячи лет наедине с мастурбацией,
Тысячелетняя
Нудная
Мировая
Война.

* * *

Над этим
унылым городом
Каждую ночь просыпается
Ультрамарин бесконечной
чистоты неба
Над каждым ветераном
Отечественной
Протягивающим руку
За кусок хлеба
Над знакомыми
проститутками с ленинградки
С кожей иссиня-
белого цвета
Над торгующими водкой
таксистами
Пахнувшими бензином
и проливными дождями
Над блудливыми псами,
С зубами изгнившими,
Над нацистскими
трафаретами
И над пошлыми снами
Каждую ночь просыпается
Ультрамарин бесконечной
чистоты неба

* * *

Мне нравится ловить солнца блики
На твоей размазанной туши,
Мы здесь безнадежно залипли,
Даже не думай, что может стать лучше,
Перевязанные морским узлом уши
Не в силах нарушить этот вечный
Обет тишины. Ароматный мир голосов стих,
Мы повязаны в этом болоте.
Ты думаешь, мне не хочется жить?
Просто развеялись стимулы
В мелочных эпизодах, а ода жизни
Больше походит на миф.
Песня нимф кончилась,
Они забыли мотив и перестали
Жонглировать минорными нотами,
Засыпай, моя молодость.
hail to the thief

* * *

Хочется выпить,
И позабыть всё то
Что было пройдено,
И что придется пройти
Жизни людей -
Параллельные линии,
Вдоль которых отмечены
Годы и дни
Ничего нового
Ничего интересного
Мы кричим - "восхитительно",
Хоть и знаем что врем
Две тысячи десять
И ни одной йоты смысла.
Родиться чтоб сдохнуть
И воображать что живем.
Десятилетия проводить
В ожидании чего-то,
Чего-то что вроде бы
Должно нас спасти
За днями недели,
За неделями годы,
Мы голодны в предвкушении
Спокойствия старости
Мы рвем волосы в клочья
Терзаясь сомнениями
И всю жизнь мы старательно
Делаем вид.
Развлекаемся водкой
И откровенными сценами
И затыкаем рот каждому
Кто громко кричит.

* * *

Я смотрю на себя сверху вниз,
Смотрю, как ползет это чудовище
С миллионом деревянных щупалец,
Зеленых ресниц и грустных,
Краснеющих глаз. Три-два-раз,
Еще немного усилий и мы снова
Встретимся, еще несколько капель
Пота и кончится лестница
Еще пара убийств и наши чары
Развеются, начнется веселье
И альбатросы споют свою забытую
Песню, споют только для нас.
Ползи, мое немое чудовище, я буду
Жить в ожидании того что
Когда-нибудь ты все же достигнешь
Своей призрачной цели, мы обнимемся И
прекратим считать нудные дни Недели,
Мы сожжем бесконечные наши календари,
И оставшись одни, мы станцуем фокстрот
Наступая друг другу на пятки и тени.

* * *

Я слишком зол на тебя чтобы
Поверить в жалкие бредни
О твоей красоте,
От их спокойствия
До наших истерек тысячи лет
По рельсам метро, вдалеке
Берег увенчан трупами и
Обидными шутками, здесь
В меццо форте оргии движется ритм,
А головы лопаются от шума и зноя,
Влажными липкими щупальцами ты
Ловишь сердца и мозги, все здесь
В ожидании конца, но дождутся навряд ли,
Это все - эк-ви-ли-бри-сти-ка
На лопающихся канатах жары, и ты, мир,
Вряд ли согласишься в то что я еще здесь,
И не вернулся обратно.

* * *

Что я делаю здесь?
Это место похоже
На больничную палату,
Люди валятся на землю от зноя,
И, когда врач выкрикивает их
Порядковый номер, они
Снова встают, что бы ответить
"Я здесь! Я здесь! Это я - сто пятый!"
Мой номер забыт, таким образом
Шансов попасть на прием остается
Все меньше, но кого из нас
Не назовешь грешником?
Я помню как ехал сюда поездами
И электричками с размазанными
По дверному стеклу безликими лицами,
Они - предвестники смерти,
Черные птицы, съезжившись под холодным
Дыханием столицы этого мира.
Но Почему-то мне нисколько не жаль,
что отсюда не выбраться.

* * *

В метро всегда пахнет
Жженой резиной и фальшивой
Бас-партией плохого актера
Адама Сендлера. Я стал ветром бы
И летал по тоннелям и шахтам
Калужско-рижской и
Краснопресненской. Я бы
Залез в твой красный
Левый рукав и тебе бы
Немедленно захотелось
Повеситься.
Я разбудил бы
Твою былую простуду,
Я разбудил бы
Моменты, которых
Больше не будет,
Я бы вонзил
в тебя короткое
Жало из пыли и запаха
Неугомонных старух,
Я бы отправился
На северо-запад и,
Пропустив твои окна,
Потух.

* * *

С недавнего времени
Вы можете видеть меня
Лишь только на потолке.
Теперь я как Грегор Замза.
Мне ничего не нужно,
Ничто мне не важно,
Лишь комнату с хламом,
Сыра да молока.
Единственная сказанная
Мной фраза оказалась
Вам всем знакома, и я решил
Замолчать, моя святая мечеть -
Мебельные руины, плакат
Бритни Спирс на стене выглядит
Лучше любой чудотворной иконы.
Вы пишете письма, я ставлю печать.
Я - Грегор Замза, мне не нравится
Слово "амбиции", я не видел своих
Несчитанных ног года три,
Я прекращаю двигаться в искомую
Сторону - яблоко на спине
Мешает ползти.

* * *

Я
капля в море
Ты
капля в море
Сутью своей
мы Пронзаем
лишь небо
Тысячей
ржавых стрел
Бесполезностью тел
Мы живем
и не дышим
Мы продали
правду
Мы продали
всех
Мехами Венеры
Укутали ложь
Дрожь
не мешает Нам
больше писать
Нам тепло
И с нас
Ничего не
Возьмешь
Ничего не
Осталось
В наших
Мирах,
Наши сердца
Расколоты
надвое
Мы могли бы Их
вместе собрать
Но нам лень
Тень
Тщетности дней
Заслонила нам

солнце
Затмение пришло
Ночь
вместе с ней

Под мои окном белое поле
Заснеженный пустырь
выкупленный для новостроек
Каждый день я курю
Перед окном стоя
И следы на пустыре
Врезаются в мои мысли
Это место не чистят дворники
Здесь не гуляют с собаками
Подвыпившие жители района
Его Обходят стороной -
Здесь нет ничего нового
Лишь двухметровый слой снега
Прихоть природы
Я кидал туда стеклянные
бутылки из под пива
И снежная бездна безмолвно
их пожирала в ответ
Я пробовал пройти там,
но проваливался по пояс почти что
И все-таки, поутру я
Различал неизбежно на снегу
Человеческий след
Я напивался, пытаюсь
собраться с мыслями
К этому времени вьюга заметала
Отпечаток подошвы с надписью найк
И все же, просыпаясь утром и высунув в окно голову
Свежий след избавлял меня от желания поспать
Так продолжалось несколько месяцев
Наступил апрель, снег растаял.
Запахло свежими листьями
В мыслях стало свободно
И длинными стали дни,
Похмельную голову вновь радовала
Хорошая погода
И, как-то раз, в 6 утра, обуваясь,
Я вдруг понял
Чьи это были следы.